

ИЗГНАНИК

ЖЕНЯ ГРАВИС

Страхи и секреты, которые не скрывать

Женя Гравис Изгнанник

Серия «Альтернативная Российская империя. Московские расследования»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74645206
ISBN 978-5-04-256240-2

Аннотация

Новое расследование в альтернативной Российской империи!
В маленьких городках все на виду, но правду увидеть труднее всего.

Курортная румынская Совата встречает Софью Загорскую солнцем, лечебными водами и обещанием отдыха. В уездном Бронске Дмитрий Самарин находит тишину, пыль провинциальных улиц и слухи о Дубовой Роще. Но за уютom небольших поселений скрываются чужие страхи, старые счета и люди, готовые на многое, лишь бы правда не вышла наружу. Два дела, два замкнутых мира – и оба смертельно опасны для тех, кто решит докопаться до сути.

Захватывающее продолжение «Визионера» и «Посредника» от Жени Гравис.

Содержание

Часть 1	6
Глава 1,	6
Глава 2,	24
Глава 3,	37
Глава 4,	54
Глава 5,	64
Глава 6,	76
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Женя Гравис Изгнанник

Иллюстрация на переплете Kateshi Kittano
Иллюстрации на форзаце и нахзаце Ziorre

© Гравис Ж., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Часть 1

«Горное солнце»

Глава 1,

в которой демонстрируется

свинское поведение

Дамочек этих Митруц заметил, как только они сошли с поезда в Совате. Хорошие дамочки, при деньгах. И, что удачно, без мужского сопровождения. Бери, что называется, тепленькими.

Вначале-то Митруц присмотрел себе добычу поинтереснее – семейство из важного господина, его толстой жены и двух детишек с нянькой. Эти тоже были с деньгами, сразу видно. Господин серьезный – при саквояже и часах. И супруга с кошелкой. Саквояж, пожалуй, было бы непросто умыкнуть, а вот кошелку... Пышная домна¹ поставила ее возле ног, обмахиваясь веером, и почти про нее забыла. А тут еще дети, нянька, которая пытается их поймать, носильщики, крики, гудки, шум...

Очень удобный случай.

¹ Домна – госпожа. (Рум.)

Нет, воровал Митруц нечасто. Если честно, то третий раз в жизни. И совсем этим не гордился. Просто припекло. Деньги очень нужны были, вот и решился. Сестре Лену́те об этом точно знать не надо было. Она-то считала, что он сегодня на станции носильщиком подрабатывает, таскает сундуки и чемоданы. Он и подрабатывал, когда мог. Да только тут сила нужна, крепкие руки. А откуда взяться силам, когда тебе десять и ешь ты не то чтобы вдоволь? Митруц мог похвастать лишь ловкостью рук да быстрыми ногами. Но кому нужны те руки и ноги, если они тяжелый сундук еле доносят до экипажа?

Так что Митруц тоскливо наблюдал, как разбирают де-нежных пассажиров более крепкие и выносливые соперники. Ему же доставались самые скромные путешественники. Но и на них заработать пяток-десяток баней можно было.

А сегодня Митруц снова решился на кражу. Решился, в общем-то, из-за Ленуты, которая вчера до ночи стирала, потом причитала и рыдала в плечо заглянувшей соседке, а утром с опухшими глазами снова ушла на работу в санаторий «Горное солнце». Думала, что Митруц не услышит, а он все слышал и все понял.

Сестра Ленута работала в санатории младшей прачкой. Постельное белье и полотенца стирали там же, в огромных чанах и машинах. А личные вещи гостей – тонкие, деликатные – разрешали забирать домой. За одну из этих вещей Ленуте и досталось: мол, испортила дорогую сорочку, гостья

была крайне недовольна. Старшая прачка даже разбираться не стала – вычла Ленутино жалование за две недели. Ну хоть расчет не дала и за порог не выставила – и на том спасибо. Поганая работа, но другой в Совате нет.

Ленута, конечно, бодрилась: мол, выкрутимся как-нибудь. Но Митруц понял: нечем выкручиваться. И так в долгах. И он, поразмыслив, решил разжиться деньгами как мог. Вот, например, за счет толстой жены важного господина. И ее багжа.

Он уже примерился было сделать рывок, но тут поймал хмурый взгляд Тóмы Бóрша из-под длинной спутанной челки. Тома стоял невдалеке, опершись тощей задницей на мятый капот своего «Форда-Т», и тоже разглядывал прибывших пассажиров. Автомобилей в Совате было всего с десятков, и этот пыльно-черный «Форд» все называли не иначе как «машина Томы» – чуть ли не единственный на весь городок таксомотор.

К прибытию поезда Тома своего железного коня даже помыл и начистил песком начинающие ржаветь ободы колес, так что «машина Томы» среди старых повозок и деревенских телег смотрелась прямо-таки по-королевски. Видать, Тома тоже присмотрел себе толстого господина с семьей или же договорился заранее, что повезет их на курорт. Потому что, перехватив мечтательный взгляд Митруца, Тома опустил правую ладонь вниз, «прижав» воздух, а потом щелкнул пальцами по деревянной пуговице красного жилета в районе

груди.

Митруц понял жест безошибочно: «Мои седы, не трогай» – и коротко кивнул. Нет, Томе переходить дорогу не с руки. Пусть везет жирных господ на место, а там посмотрим...

А тут еще к богатому семейству подошел поздороваться сам Мош Мустацэ, и Митруц окончательно уверился, что с этими клиентами сегодня не нужно иметь дел. Мош Мустацэ, он же Дед Усы, он же сержант жандармерии Георге Петреску, отвечал за порядок и безопасность на станции Совата. И попадаться ему на глаза точно не следовало бы. Поэтому Митруц присел за широкой телегой с сеном, прислушиваясь к разговорам невдалеке.

– Bună ziua, domnilor! Vine ați venit la Sovata!² – поприветствовал пассажиров Мош Мустацэ и тут же перешел на русский, на котором изъяснялся вполне сносно. – Сержант Георге Петреску к вашим услугам.

Митруц понимал все: его лучшим другом последние пять лет был русский сосед Алешка, так что язык за это время Митруц выучил хорошо и бегло на нем болтал. Жаль, на все лето Алешка с родителями уехал домой.

– Макар Ефимович Король, купец первой гильдии, – пожал протянутую руку важный господин. – Супруга моя – Феврония Савельевна.

– Король! – расцвел в улыбке Мош Мустацэ. – Какое имя!

² Здравствуйте, господа! Добро пожаловать в Совату! (Рум.)

Редже! Цар!

– Скажите, Георгий Петрович, тут всегда так жарко? – Феврония Савельевна махала белым веером так усердно, что шевелились даже пышные усы жандарма.

– Что вы, прекрасная домна! Настоящий жара начнется в августе, а сейчас июнь – можно говорить, прохлада!

– Диос милосердный...

– Вам нужно испить вода! Целебный, минеральный, из святой источник. Мату́ша³ Мария, вода для домны и ее копии!⁴

Митруц увидел, как к ним уже бежит тетка Мария с кувшином и стаканами на подносе, и хихикнул в кулак. Ничего целебного и минерального в воде тетки Марии не было. Вода – обычная, колодезная, разбавленная соленой из озера Урсу. Об этом, само собой, знали все местные, кроме приехавших курортников. И теперь Митруц, посмеиваясь, наблюдал, как толстая домна пьет теплую соленую воду и на лице ее появляется блаженная, хоть и кривоватая улыбка. Дети водичку тоже попробовали и немедленно начали отплеиваться, чем заслужили пару легких подзатыльников от отца.

Зря он так. Дети часто поумнее взрослых бывают.

– О, мне гораздо лучше... – Купчиха перевела дух и уставилась на мужа: – Макар Ефимович, дорогой, где же наш экипаж?

³ Тетка. (Рум.)

⁴ Дети. (Рум.)

– Такси подан и давно ждет, уважаемый господа! – Сержант Петреску пошевелил усами в сторону потрепанного «Форда-Т», и Тома тут же бросился обхаживать купца с купчихой и упихивать их, их многочисленные пожитки, детей и няньку в маленькую машину.

В итоге через несколько минут семейство было плотно упаковано в автомобиль, нянька и чемоданы поехали следом на телеге, Дед Усы снова приосанился и заложил руки за спину, а Митруц опять перевел взгляд на двух дамочек, приехавших без сопровождения.

Итак, дамочки. Домна – старая, сухая и прямая, как сосна. У таких, как по опыту знал Митруц, глаза есть не только спереди, но и на затылке. Таковую может отвлечь только большой переполох, которого, увы, не наблюдается. Домна стояла, схватившись за ридикюль цепкими, как ветки шиповника, пальцами, и следила за происходящим внимательными совиными глазами.

А вот попутчица ее – рыжая домнишоара⁵ – выглядела куда занятнее. Барышня была миленькая и забавно крутила носом во все стороны, а бархатную сумочку на завязках держала кое-как, перекинув через локоть. Ай, какая промашка. Сразу видно: первый раз сюда приехала и очень дивится.

А чему удивляться? Вокзал как вокзал. В Тыргу-Муреше, откуда поезд ходил каждый день, и то был побольше. Там хоть железная дорога настоящая, а не моканица, или узко-

⁵ Барышня, девушка. (Рум.)

колейка, как здесь. После больших составов местные паровозики казались почти игрушечными. И все равно «игрушечный» поезд каждый день привозил в Совату новых и новых курортников. Сезон стоял самый жаркий, народу было полно, есть где разгуляться.

Рыжая барышня тем временем с любопытством разглядывала вокзал. А смотреть там, как считал Митруц, было особенно не на что. Низкое, длинное здание в один этаж, покрытое желтой штукатуркой. С того края, где к вокзалу лепился угольный сарай, стены совсем почернели от пыли и копоти: замажь хоть сто раз – толку не будет. Накрывала постройку высокая крыша с широкими козырьками, под которыми было удобно прятаться от дождя.

Окна вокзала были маленькие, в темных деревянных рамах. Внутри тоже не было ничего интересного – Митруц пару раз заглядывал. Там один большой зал со старыми скрипучими скамьями и громко тикающими часами. Еще есть окошко кассы и буфет – и тем и другим заправляла матуша Мария. На буфетном прилавке под пыльным стеклом у нее лежали ковриджи⁶, посыпанные кунжутом, – твердые и древние на вид. Митруц ни разу не видел, чтобы кто-то польстился их купить. Да и сам он даже в голодный день предпочел бы забить такой ковриджей гвоздь, чем ломать об нее зубы.

Еще была комнатка начальника станции рядом с закутком дежурного, которая почти всегда пустовала. Господин

⁶ Соленая выпечка, разновидность кренделя.

начальник на станции появлялся редко, охотно сваливая всю скучную возню на Моша Мустацэ, а дежурный к прибытию поезда обычно болтался у путей и чесал язык с машинистом, чтобы потом вернуться в свою каморку, уронить голову на руки и сладко поспать до вечера.

Нет, смотреть на станции Совата было особенно не на что. И это было плохо. Потому что сейчас все пассажиры выйдут, носильщики выгрузят багаж, курортники рассядутся по экипажам – и все, тут будет затишье до завтрашнего дня. А ждать до завтра Митруц не собирался.

И тут ему все-таки повезло.

Дверь грузового вагона с грохотом отъехала в сторону, и оттуда на низкий перрон выскочила толстая свинья. За ней вторая, третья... Восемь. Всего Митруц насчитал восемь хрюшек. Обрадовавшись неожиданной свободе, они начали носиться по перрону, обнюхивая и обхрюкивая всех подряд.

В отличие от носильщиков, которые по одному сюртуку приехавшего точно определяли, какой толщины у него кошелек, свиньи не делали никакой разницы между пассажирами первого, второго и третьего класса, а были счастливы подружиться с каждым. Публика этого, понятно, не оценила. Особенно когда три крайне наглых хрюка столкнулись в грязной луже, перемазались от головы до хвоста и понеслись дальше.

В толпе слышались тихие вскрики и сердитое ворчанье. В этот момент в дверях грузового вагона показался заспан-

ный паренек с длинным прутом в руке – видимо, свинопас.

Он обвел перрон мутным со сна взглядом, лениво взмахнул хворостиной и крикнул: «Хэй-хэй!» Куда там! Свиньи и ухом не повели. Одна из них уже сунула пятак в чью-то корзину с яблоками, вторая залезла под лавку, намертво там застряла и начала визжать, будто ее режут, а третья почему-то пристала к старой и сухой домне с ридикульем. Эта свинья подбиралась к ней то слева, то справа, а домна, прижимая к себе ридикуль, второй рукой с зонтиком тыкала в пятак и изо всех сил делала вид, что ничего не происходит.

Послышались громкие крики:

– Да что же такое!

– Эй, сержант!

– Мама, можно я прокачусь на поросенке?

– Куда смотрит охрана? Прекратите это безобразие!

Мош Мустацэ вышел из полудремы, в которой пребывал после отъезда семейства Королей, открыл глаза и с ужасом понял, что на станции творится черт знает что, а он, сержант Георге Петреску, не принимает в этом никакого участия. Точнее, не делает ровным счетом ничего, чтобы прекратить балаган.

Он сунул в рот свисток, набрал полную грудь воздуха и пронзительно засвистел.

Свиньи восприняли сигнал не так, как рассчитывал сержант: они дружно подхватили свист, посчитав его прекрасной музыкой. Особенно старалась та, что застряла под лав-

кой. Остальные забегали с удвоенным усердием.

Суматоха поднялась и вовсе знатная.

Вот он, шанс!

Митруц надвинул кепку пониже на лоб, пригнулся и метнулся в самую гущу человечье-поросячьего балагана, ловко огибая сундуки, чемоданы и чужие ноги.

Рыжая барышня помогала своей пожилой спутнице отогнать свинью от багажа и совсем забыла про сумочку, которая так призывно болталась на локте. Никем не замеченный в суматохе, Митруц рыбкой скользнул ей за спину и на ходу вытащил из кармана руку с зажатым между пальцами бритвенным лезвием.

Вш-шух!

Тонкий шнурок завязки был перерезан в долю секунды. Митруц подхватил бархатный мешочек второй рукой, молниеносно спрятал его за пазуху и, не сбавляя скорости, метнулся к поезду. Пригнулся, нырнул под брюхо вагона, перекатился по шпалам и выскочил с другой стороны.

Тут для приличной публики начиналась настоящая глушь, а для Митруца – родные и знакомые места. Овраг, перескок через ручей, подъем, потом спуск под горку, в заросли лещины и молодых елочек.

Ищи-свищи теперь!

Пробежав насквозь густой подлесок, Митруц остановился и перевел дух. Вытащил из-за пазухи добычу, развязал мешочек в предвкушении.

Черт! Да что за невезение!

Все барышни любят побрякушки. Хоть парочка сережек в сумочке должна была найтись? Сережек, увы, не было и никаких других украшений. Сверху обнаружился блокнотик с карандашом. Митруц пробежал буквы глазами, ничего не понял – читать по-русски он не умел. Пошарил еще – нащупал деньги. Вот, уже неплохо. Денег оказалось до обидного мало. Ладно, и на том спасибо.

Следом Митруц вытащил из мешочка пригоршню конфет в желтых фантиках. Вот же! Большая уже барышня, а сластена. Одну из них он тут же развернул, засунул в рот и ощутил приятный холодок. Мятная. Ленута такие любит, надо ей оставить.

Митруц снова залез в сумочку и на самом дне нащупал наконец что-то стоящее. Вытащил на свет тяжелый серебряный медальон на цепочке. Вот оно! Взвесил на ладони и сразу понял: хорошая штука, не дрянь какая-нибудь. За такую дед Радул даст прилично, а главное – не спросит, откуда у Митруца такая дорогая вещьца взялась. Радул – рома, цыган, и лишних вопросов никогда не задает.

Митруц подцепил грязным ногтем застёжку – и медальон распахнулся. На правой половинке была фотокарточка рыжей барышни, Митруц сразу ее узнал. А на левой – какой-то чернявый парень со шрамом на брови. Фу, гадость какая. Милование любовное. Пялилась, поди, на этого чернявого и вздыхала.

Сама дура. Следить надо за своими вещами.

Митруц подцепил фотографии ногтем, повозился и с трудом выдрал их из гнезд. Карточку барышни, подумав, засунул в карман. Пусть и глупая домнишоара, но симпатичная. А чернявого вместе с фантиком от конфеты бросил на землю и, насвистывая, двинулся к городку, вполне довольный собой.

* * *

– Сержант Петреску, это просто недопустимо. – Леокадия Павловна Томилова, прямая как мачта, стояла посреди кабинета начальника станции и отчитывала сержанта жандармерии, словно нашкодившего гимназиста.

– Прошу вас, милая домна, прися...

– Я вам не милая. Я заслуженный преподаватель со стажем, которого вам не наработать за всю жизнь, учитывая ваш нездоровый цвет кожи и склонность к полноте. И это на лучшем курорте Трансильвании! На вашем месте мне было бы стыдно. Вы, сержант, должностное лицо, отвечающее за порядок и безопасность на станции и за ее пределами. И каким же выглядит это лицо?

– Каким? – Сержант отвесил пухлый подбородок и попытался рассмотреть свое отражение в мутном зеркальце, висящем на стене.

– Не обремененным выдающимися интеллектуальными

способностями и осведомленностью о криминальной обстановке. Я глубоко возмущена.

– Поверьте, ми... домна Леокадия, я тоже весьма возмущен. И клянусь, что прикладу все усилия к тому, чтобы этот гнусный вор был поймат и понес кара. Прошу вас, присядьте. И вы, барышня пострадавши.

Тетушка Леокадия еще раз окатила сержанта ледяным взглядом и все-таки опустилась на предложенный стул. Софья Загорская присела на соседний и вздохнула.

Конечно, тетушка вслух этого не произнесла, но Соня немедленно почувствовала себя виноватой после того, как обнаружила пропажу сумочки. Взгляд Леокадии Павловны был красноречивее любых язвительных выражений.

И не то чтобы там было нечто особо ценное, потому что Сонины деньги и драгоценности тетушка в путешествии определила на хранение к себе. У Сони в мешочке было лишь немного мелочи, блокнот, конфеты и медальон. Пусть серебряный, не очень дорогой, но внутри хранилась Митина фотокарточка. Соня в поезде украдкой доставала медальон и любовалась на снимок, зная, что вживую Митю увидит еще не скоро. И представляла, что за время отсутствия он словно будет рядом.

А теперь медальон пропал вместе с сумочкой и остальным ее содержимым. От осознания этого неудержимо хотелось разрыдаться, и Соню останавливало лишь присутствие сержанта Петреску и стылый взгляд тетушки Леокадии.

«Ты помощник полиции с опытом или нет? – возмущенно проворчал в голове вымышленный попугай – так Сонин отец когда-то назвал ее внутренний голос. – Соберись! Вот тебе и дело нашлось на отдыхе».

«А ведь он прав», – подумала Соня. Можно принять участие в расследовании кражи, раз уж других интересных дел на этом курорте не предвидится. Под этим предлогом можно и от тетушки отлучаться. Потому что за последние несколько суток, проведенных в одном купе, Соня была готова ночевать хоть в тамбуре вагона, лишь бы не слышать от Леонаиды Павловны очередных язвительных комментариев.

Замечаний хватило обо всем: об обслуживании, удобстве, скорости, плавности хода их поезда, всех поездов, вместе взятых, железных дорог как таковых и вообще транспортных достижений инженерной мысли, немилосердно портящих воздух.

Весь выученный Соней в университете запас риторических приемов за эти дни был применен не раз и несколько поистрепался. Или тетушка начала о чем-то догадываться. Но Соне уже казалось, что она ведет какую-то длинную и очень утомительную партию в шахматы, а противник, как нарочно, делает один коварный ход за другим, как будто хочет взять ее не умением, а измором.

Что ж, пусть будет кража. Тем более что Соня была лично заинтересована в том, чтобы найти и вернуть пусть не сумочку со всем содержимым, а хотя бы медальон.

Так что она внутренне собралась, сделала серьезное выражение лица и внимательно посмотрела на Георге Петреску.

— Господин сержант, — сказала она. — Если я все правильно понимаю, мне необходимо написать заявление о краже, так?

— Именно так, милая барышня. Вот, пожалуйста. — Он подвинул к ней лист бумаги и чернильницу. — Изложите как можно больше деталь, какие вещи были в сумка, их ценность, все, что вы видели. Можно по-русски.

Соня придвинулась к большому столу и начала писать, краем уха подслушивая разговор между сержантом и тетужкой.

— Скажите, домна Леокадия, вы заметили на перроне кто-нибудь подозрительный?

— Если быть откровенной, я бы никого из находящихся на станции не назвала добропорядочным человеком.

— И все же. Может, кто-то настойчиво крутился прямо возле вас?

— О да, сержант. Свиньи. — Тетушка произнесла это таким тоном, как будто имела в виду совсем не животных.

— Да, да, понимаю, свиньи. Большая суматоха. А люди?

— Боюсь, на станции не нашлось ни одного мужчины, который помог бы двум женщинам справиться с этим... нашествием диких зверей. Впрочем, меня это не удивляет. Было бы, по крайней мере, нелепо ждать хороших манер от местной публики.

— Ну что вы, домна Леокадия. Люди у нас простой, но доб-

рый. Кража – это редкость. Поверьте, тут обычно теряют не вещи, а голову – от прекрасного климата!

Соня была уверена, что шутку эту сержант Петреску если не придумал сам, то подслушал у кого-то уже давно и использовал при каждом удобном случае, рассчитывая на теплую реакцию.

Со стороны Леокадии Павловны не донеслось ни звука. И, даже не поднимая головы от письма, Соня поклялась бы, что на лице тетушки не дрогнул ни один мускул, отвечающий за подобие улыбки.

– Сержант Петреску, потеря головы допустима лишь в единственном случае: если над ней нависает гильотина. Я бы вам настоятельно рекомендовала беречь этот орган, хотя в вашем случае он, видимо, не входит в список особо ценных.

Соня понадеялась, что сержант знает русский недостаточно хорошо, чтобы в полной мере прочувствовать весь тетушкин сарказм. Так и оказалось.

– Что вы, домна Леокадия, у нас опасный преступник обычно ждет веревка, никаких гильотин. В старину еще, бывало, на кол сажали. А за мелкая кража – только штраф и уплата вред.

– И возвращение имущества, разумеется.

– Конечно, конечно. Поверьте, это имущество барышня некуда деться из Соваты. Если оно где-то всплывет, мы тут же воришку цап-царап! О, вы уже закончили писать?

– Да, посмотрите, пожалуйста, все ли я правильно изло-

жила.

Сержант подтянул к себе исписанный лист и пробежал глазами по строкам.

– Очень хорошо, барышня Софья. Очень подробно все изложен. О, вы отметили, что в сумке был серебряный медальон. Это прекрасно. То есть это ценный вещь, воришка обязательно попытается сдать его в ломбард. А тут я слежу. Понимаете?

– Если бы вы следили за происходящим более внимательно, мы бы сейчас не сидели тут, теряя время, – вставила те-тушка.

– Ваша правда, зачем его терять. Заявление я принял, ваша с барышней забота теперь – отдыхать, поправлять здоровье и ждать хороший новость от сержант Петреску. Вы оставились в «Горное солнце», я полагаю?

– Разумеется. Надеюсь, наш экипаж нас дождался, а не исчез так же бесследно, как сумочка моей племянницы.

– Не волнуйтесь, домна Леокадия, я лично вас провожу до лучший экипаж и прослежу, чтобы ничего не случилось. Пойдемте, прошу вас.

Уже на улице Софья тихо спросила у него:

– Скажите, господин сержант, а сколько в Совате ломбардов?

– Два, милая домнишоара, всего два. Но вам совершенно не нужно о них беспокоиться. Это теперь моя забота.

Соня вежливо поблагодарила сержанта, но, садясь в эки-

паж, подумала, что доверить этому человеку расследование – все равно что поручить свинье охранять буфет.

Кажется, распутывать кражу так или иначе придется – самой или с помощью местной жандармерии.

Глава 2, в которой возникает парадокс поплавка

Всю дорогу до курорта тетушка хранила молчание, и Соня была даже благодарна ей за это. Видимо, последний запас красноречия Леокадия Павловна исчерпала в беседе с сержантом Петреску.

Соня же ехала в тишине, не пытаясь рассматривать пейзаж за пыльными прозрачными шторками. «Лучший экипаж», предоставленный жандармом, оказался душным и тряским ландо (кучер называл его «калѐш»), которое немилосердно скрипело и подпрыгивало на ухабах. Тетушка преуспевала преодолевать дорожные неудобства со свойственным ей стоицизмом, но губы нет-нет да и сжимались в тонкую полосу, когда эта колымага делала очередной нырок, проваливаясь в яму.

Хорошо, что дорога оказалась короткой, и, выбравшись, наконец, из тесной «коробки», Соня не без удовольствия вдохнула свежий воздух. Здесь было прохладнее, чем на раскаленном вокзале. Пахло солью, свежестью, йодом, хвоей...

Ландо привезло их к главному входу санатория «Горное солнце», и Соня, взглянув на здание, была покорена с первого взгляда. В Румынии она еще никогда не была и те-

перь с любопытством рассматривала местную архитектуру. В Тыргу-Муреше им пришлось спешно пересаживаться на поезд узкоколейки, и рассмотреть вокзал Соня не успела, на станции Соваты недолгое изучение архитектуры закончилось кражей. Но теперь можно было никуда не торопиться и ничего не опасаться, и она с удивлением разглядывала диковинное здание, не понимая, к какому стилю его отнести.

Вот Санкт-Петербург, к примеру, очень узнаваем: величественный, впечатляющий, с широкими проспектами и монументальными дворцами. Рим такой же, а еще, гуляя по нему, понимаешь, на каком фундаменте вырос город Петра. Константинополь неповторим своим восточным колоритом, а Берлин – строгостью линий и форм.

Но какие традиции зодчества повлияли на это строение, Соня решить не могла. Трехэтажное здание санатория было построено из серого камня, стены выше первого этажа были оштукатурены. Венчала постройку высокая черепичная крыша с большими навесами. Второй и третий этаж опоясывала галерея деревянных резных балконов в итальянском стиле. По бокам возвышались игривые башенки, а на верхнем этаже виден был ряд «трефовых» арок. Окна – высокие и чистые – были забраны в рамы темного дерева, что хорошо контрастировало с белыми стенами.

В общем-то, в облике этого здания между собой контрастировало все, и это странным образом выглядело не разнообразно и неряшливо, а даже гармонично.

– Софья, ты снова витаешь в облаках?

Тетушкин голос вернул Соню к реальности, и она поспешила внутрь. Номер им достался на втором этаже. В центре его была просторная гостиная, по ее бокам располагались две двери, ведущие в спальни, в каждой из которых была своя туалетная комната. Леокадия Павловна без колебаний выбрала левую и распорядилась отнести свои вещи туда. Потом прошлась по комнатам – пощупала плюшевую зеленую обивку мебели, понюхала полотенца и цветы, стоявшие в вазах, провела белой перчаткой по столешнице темного дерева, внимательно рассмотрела палец и вынесла вердикт:

– Что ж, приемлемо. По крайней мере, пыли тут меньше, чем в том ужасном экипаже. Итак...

– Вы, наверное, хотите отдохнуть после дороги? – предложила Соня.

– Непременно. Сейчас почти четыре часа пополудни. Необходимо освежиться и вздремнуть. Потом, я полагаю, нас примет главный врач. Надеюсь, он уже составил список необходимых процедур. Во сколько здесь ужин?

– В семь, тетушка. – Соня вертела в руках брошюру с порядком работы «Горного солнца» и схемой курорта.

– Прекрасно. Будем придерживаться расписания. Сейчас мне необходим сон. Тебе, я полагаю, тоже. Встретимся в гостиной в половине седьмого.

– Отдыхайте, тетушка.

Дверь в спальню Леокадии Павловны закрылась с тихим

щелчком, а Соня прошла в свою комнату. Что ж, здесь ей придется провести несколько недель. И если Софья поначалу чувствовала некоторую усталость с дороги, то, отодвинув легкие шторы и выйдя на балкон, она моментально забыла про рекомендованный тетушкой отдых. За окном блестело озеро – яркое, бирюзово-голубое, окруженное густыми зарослями сосен, буков и дубов. За ним вставали горы – низкие, покрытые зеленью, а за ними другие – высокие, но как будто срезанные по линейке.

Внизу невдалеке Соня разглядела и ажурные беседки на берегу, и купальни, и отдыхающих в шезлонгах... И все это было так красиво и маняще, что она моментально забыла про мнимую усталость и необходимость поспать. Нет уж. Пускай тетушка спит, в таком преклонном возрасте нужно много отдыхать. А Соне непременно надо прогуляться по территории и выяснить, что здесь интересного. Как удачно, что у нее есть карта.

Соня быстро сменила платье, освежилась в туалетной комнате и, прихватив буклет, на цыпочках выскользнула из номера, аккуратно и тихо прикрыв за собой дверь.

* * *

– И куда это вы смотрите, Андри́? Вы что же – смее-те заглядываться на других женщин, когда здесь я? – Дама в зеленом шифоновом платье игриво хлопнула веером по

запастью кавалера, который имел неосторожность бросить взгляд на проходившую мимо Соню.

– Нет-нет, домна Каталина, вам просто показалось! Я всего лишь высматривал официанта. В вашем бокале заканчивается шампанское...

– Ах, Андри, ну и принесли бы сами.

– Я мигом!

– Сидите уже, а то ваш брат сегодня совсем бука, он даже не улыбается. Не оставляйте меня с ним наедине. Павлишор, что с вами? Разве я сегодня так дурно выгляжу? Мне что же – не идет зеленый цвет? Я ведь надела это платье специально для вас.

– Вы исключительно выглядите, домна Каталина. И зеленый вам к лицу, как и любой другой оттенок. Прошу простить мою сегодняшнюю... замкнутость. Тому виной причины совсем иного свойства, нежели ваше прелестное общество.

– Диос милосердный, только не излагайте их, прошу, это так утомительно. А мы ведь на отдыхе. Расскажите лучше забавную историю, я знаю, у вас они есть...

Соня заметила эту троицу сразу же, как только спустилась вниз, к озеру, где на берегу был положен деревянный настил, на котором стояли шезлонги и большие зонты, защищающие от солнца.

Даму, которую мужчины называли домной Каталиной, было трудно не заметить. Она полулежала в шезлонге – в

струящемся шифоновом платье с цветочной вышивкой, которое скорее давало простор фантазии, чем скрывало формы. Парусиновые туфли дама скинула и, открыв щиколотки, шевелила пальцами в тонких шелковых чулках. Большая соломенная шляпка с зеленой, под цвет платья, лентой не скрывала округлого лица с тонкими дугами бровей и темными глазами, а также кокетливых черных локонов, как нарочно выбившихся из модной прически.

Стоило признать, домна Каталина была очаровательна. И старше, чем хотела казаться. Соня дала бы ей навскидку лет тридцать.

А вот спутники ее, напротив, выглядели чуть младше. И они были братьями, если Соня правильно услышала обрывки беседы. Она вообще-то не планировала подслушивать чужие разговоры, но домна Каталина нарочно повысила голос, чтобы проходившая мимо Соня услышала и усвоила сразу: кавалеры заняты.

Софья про себя рассмеялась и не замедлила шага. Бывают дамы, которые не терпят конкуренции возле собственной персоны, и, кажется, домна Каталина относилась именно к таким. Что ж, можно было ее только поздравить. Братья – неуловимо похожие, загорелые, русоволосые, в одинаковых светлых льняных костюмах – не сводили с нее глаз. Андри – восторженных и обожающих, Павлишор – ревнивых и томящихся. Оба были довольно привлекательны, особенно Андри, хотя его лицо несколько портил длинный шрам, тянув-

шийся вдоль щеки.

Нет, братья, как и другие привлекательные и не очень мужчины, Соню не интересовали вовсе. А тот, который интересовал, находился слишком далеко и был сейчас слишком недосыгаем. И даже его фотокарточка, так бережно хранящаяся в... Тут Соня вспомнила про украденный медальон, и его внезапная потеря снова неприятно кольнула в груди. Не паниковать. Медальон найдется. Обязательно найдется.

Софья так задумалась о своем, что чуть не столкнулась с еще одним молодым человеком, который стоял на деревянном настиле и что-то записывал в блокнот.

– Pardon, mademoiselle!⁷ – произнес он на безупречном французском и улыбнулся.

«Парижанин», – сразу вынесла вердикт Соня. Одет молодой человек был с богемной небрежностью, которую умели демонстрировать только жители французской столицы. Без пиджака, в песочной рубашке с расстегнутой верхней пуговицей, под которой разгильдяйски-изящным узлом был повязан вишневого цвета платок. Дополняли образ темно-синий в крапинку жилет, очки в тонкой металлической оправе и неаккуратно-элегантная копна черных волос. Лицо некрасивое, но очень живое.

Соня попыталась было заглянуть в блокнот мужчины, но ничего не успела разобрать. С шезлонга, который остался за спиной, донесся певучий голос домны Каталины, тоже на

⁷ Простите, мадемуазель! (Фр.)

французском:

– Месье Ламбонт! Ренé! Вот вы где! Вы-то мне и нужны. Будьте любезны, подойдите на минутку!

Молодой человек состроил сложную гримасу (а мимика у него была очень богатая). Соне показалось, что он был одновременно рад, раздосадован, восхищен и взволнован.

– Veuillez m’excuser⁸, – пробормотал он, кинув взгляд куда-то за Сонину спину, и направился в сторону домны Каталины.

Соня лишь пожала плечами. Кажется, в присутствии дамы в зеленом вообще не стоит намеренно или случайно сталкиваться с молодыми людьми.

Она прошла по настилу до самого берега и облокотилась на деревянные перила, вглядываясь в воду. Та казалась такой прохладной, бирюзовой и манящей. По правде говоря, хотелось сейчас же скинуть платье, переодеться в купальный костюм и немедленно погрузиться в эту глубину.

Соня даже бросила взгляд влево, где была оборудована женская купальня, и подумала, что если вернуться в номер и взять смену одежды, то можно успеть. И даже, наверное, умудриться высохнуть, чтобы тетушка ни о чем не догадалась. Софья была уверена, что купание в озере без надлежащего присмотра Леокадия Павловна точно не одобрила бы.

Соня бы обязательно попробовала пересечь озеро поперек, а потом вдоль. Странно, что никто из находящихся в

⁸ Прошу прощения. (Фр.)

воде не пытался это делать. И даже не потому, что в «Горном солнце» отдыхали преимущественно пожилые, – нет, в озере принимали водные процедуры люди разного возраста. Только вот никто не плескался, не веселился, не брызгался водой. Все происходило очень... чинно и степенно, что на женской стороне слева, что на мужской – справа.

Соня немного удивилась этой неспешности. И вдруг заметила мужчину, который, лежа в воде, читал газету, держа ее обеими руками, что было в принципе невозможно. Разве что под ним в воде тоже находился настил. Или мужчина был магом-водником. Что тоже было исключено, поскольку маги в Европе исчезли на исходе Великой войны. А магический фон здесь, в Трансильвании, был совершенно пуст. Ведь тут, в общем-то, финальный удар и случился. Где-то неподалеку.

Соня продолжала удивленно разглядывать купальщика с газетой, когда над ухом у нее раздалось:

– Es ist ein erstaunlicher Anblick, nicht wahr?

– Aber wie?⁹ – Соня вздрогнула, машинально ответила на немецком и лишь потом повернулась к собеседнику.

Он был пожилой, невысокого роста, с длинным носом и в давно вышедшем из моды котелке. Этот самый котелок он с извиняющимся выражением на лице приподнял и слегка поклонился:

– Прошу прощения за мои манеры, я должен был для начала представиться, а не пугать вас внезапными замечания-

⁹ – Это потрясающее зрелище, не правда ли? – Но как? (Нем.)

ми. Йозеф Фишер, фармацевт, ныне отошедший от дел. Прибыл сюда из Австрии.

– Софья Загорская. Я приехала сегодня с тетей, из России.

– А я сразу заметил незнакомое лицо. Здесь, знаете ли, публика меняется не так часто, и новые гости всегда на виду. Вас, как я вижу, заинтересовал парадокс поплавок...

– О да! – Соня распахнула глаза и даже чуть подалась вперед. – Не могу понять: это магия или... какой-то механизм под водой?

– Ни то ни другое, милая фройляйн. Всего лишь физика. И химия.

Соня нахмурилась, а господин Фишер продолжил:

– Видите ли, концентрация соли в озере Урсу достигает впечатляющей цифры в триста грамм на литр воды. В такой воде невозможно утонуть – она просто вытолкнет вас на поверхность, как выталкивает этого господина, читающего газету. Кстати, название можете разобрать?

– Universul, – прочитала Соня.

– Понятно, доставлена из Бухареста, – кивнул господин Фишер.

– О, тогда ясно, почему никто не плещется и не брызгается водой, – догадалась вдруг Соня. – Если такой концентрированный раствор соли попадет в глаза...

– Вы совершенно правы, фройляйн Софья. Во избежание подобных случаев выпущены специальные правила поведения при купании в озере Урсу. Крайне рекомендую ознако-

миться. Например, даже самая маленькая царапина может доставить вам невыразимые мучения при контакте с такой соленой водой.

– Благодарю, господин Фишер, это чрезвычайно интересно. А вы изучаете местную воду как фармацевт?

– В том числе. Я, конечно, уже отошел от дел, но фармакология от меня никуда не делась. Вы знали, например, что такой раствор соли губителен для бактерий? По сути, эта вода – естественный антисептик. О, вам, наверное, ужасно скучно слушать эти старческие рассуждения о болячках и лекарствах...

– Нет-нет, что вы. – Соня не покривила душой перед собеседником. Новые научные знания ее всегда привлекали. – Мне очень интересно.

– Что ж, тогда могу просветить вас. – Господин Фишер слегка поклонился. – Пройдемся по набережной, если вы не против? Мне, видите ли, в силу возраста трудно стоять долго на одном месте.

– Ох, простите.

– Не извиняйтесь. – Он отставил в сторону острый локоть в сером пиджаке, и Соня аккуратно за него взялась.

Они двинулись вдоль берега, и Софья постаралась подстроиться к неспешному шагу попутчика. За спиной у них раздался веселый звонкий смех домны Каталины и ее спутников. Господин Фишер едва заметно улыбнулся.

– Фрау сегодня в ударе. – Он понизил голос почти до ше-

пота. – Домна Каталина Морáру – вдова из Бухареста. А братья Ковали́нские – Андрей и Павел – приехали из Екатеринодара. Интересная компания. Одни говорят, что домна оплачивает их пребывание здесь, другие – что она сама у них в долгу. Но выглядит это все, конечно, как любовный треугольник.

Софья испытала двоякое чувство. С одной стороны, было любопытно узнать про даму в зеленом и ее кавалеров, с другой – обсуждать других людей за их спиной казалось довольно бестактным. Видимо, господин Фишер тоже ощутил Сонино замешательство.

– Фройляйн Софья, кто-то более воспитанный сказал бы, что не стоит произносить таких непристойных вещей в присутствии невинной барышни. Но лично я исповедую принцип: предупрежден – значит вооружен.

– Мне что же – стоит ее опасаться?

– Не ее лично, но некоторой женской зависти. Видите ли, на каждом курорте должна быть своя звезда, роковая женщина, и в «Горном солнце» это – домна Каталина. Ей не нужно соперничество ни в вашем лице, ни в чьем-либо еще.

– Мне тоже! Я здесь вообще не за этим, и у меня жених есть.

– На ваше счастье, он не приехал вместе с вами, иначе домна Каталина и его бы прибрала к рукам.

«Да я бы раньше ей глаза выцарапала», – подумала Соня, но произносить вслух свою мысль не стала.

– В общем, все более-менее интересные мужчины на курорте стараниями домны Каталины должны находиться в непосредственной близости от ее персоны.

Соня слегка нахмурилась, но опять не произнесла вслух замечания, которое могло бы обидеть собеседника.

– Я для ее компании староват, – усмехнулся господин Фишер, перехватив Сонин взгляд. – А в средствах фрау Морару вроде бы нужды не испытывает. Впрочем, мы отвлеклись от темы... Соленые растворы. Я тут между делом изучаю возможности их применения при артритах и ревматизме, и, скажу вам, результаты весьма впечатляющие...

Глава 3, в которой тетушка Леокадия выходит за рамки

— ...Нервное истощение, хронический катар желудка, слабое сердце, ночные приливы, а теперь еще и странная ломота в коленях. Полагаю, это ревматизм. — Леокадия Павловна закончила перечисление своих симптомов и выразительно уставилась на главного врача санатория «Горное солнце» Алексáндру Снегу́ра.

Врач принял их с Соней в своем кабинете на первом этаже, откуда открывался все тот же вид на озеро Урсу. За предыдущие два часа Софья не без помощи любезного господина Фишера успела прогуляться по территории курорта и увидеть все достопримечательности. Их, увы, оказалось немного — отель с гостевыми номерами и кабинетами администрации, лечебная, купальни, набережная, ресторан и хозяйственные постройки. Она даже сумела вернуться в номер до условленного времени, так что тетушка не заметила ее отсутствия.

И теперь Соня с благообразным видом сидела подле Леокадии Павловны напротив доктора Снегура и в сотый, кажется, раз слушала список тетушкиных недугов, который успела выучить почти наизусть.

Врач же выслушал очень внимательно, и на его узком смуглом лице с высоким лбом отразились искреннее участие и понимание. Он рассеянно дотронулся до красной эмалевой звездочки в восемь лучей на лацкане пиджака и вновь опустил взгляд на лежащие перед ним документы.

– Да-да. – Доктор перевернул густо исписанные страницы. – Вы очень предусмотрительно отправили мне заранее вашу историю болезни и все врачебные заключения докторов из клиник Москвы и Санкт-Петербурга. Позвольте выразить свое восхищение, домна Леокадия.

– И чем же? Обратной пропорциональностью объема этих исследований и диагнозов к их результативности? – Тетушка, казалось, выпрямилась на стуле еще больше, хотя, на Сонин взгляд, ее позвоночником и так можно было пользоваться как строительным правилом.

– Благодаря этим записям я наблюдаю картину почти целиком. И вот что мне кажется... Вас смотрели многие специалисты, в том числе первоклассные – я вижу здесь несколько знакомых фамилий. Однако мои уважаемые коллеги, как мне представляется, пытались лечить симптомы, а не первопричину ваших недугов. Я же собираюсь использовать совершенно новый способ лечения.

– И в чем он заключается?

– Я веду исследования, которые состоят в поиске связи между душевным состоянием и физическим здоровьем. Есть предположение, что чувственные переживания могут прояв-

ляться в виде реальных симптомов вроде головной боли или частого сердцебиения. Мне кажется, ваш случай именно таков, и я уверен, что при должном подходе мы сможем справиться со всеми вашими недугами.

– Десятки врачей до вас говорили мне то же самое – что меня излечит именно их чудодейственная методика. – В тетушкином голосе послышалась неприкрытая ирония. – Однако улучшения я так и не увидела.

– Поверьте, мой метод уникален, и вы как нельзя лучше выступите в качестве первой пациентки.

– Хотите ставить на мне сомнительные эксперименты? Основываясь лишь на беглом изучении истории моей болезни?

Соня почувствовала, что еще немного – и легкая насмешка перейдет в ядрено-едкий сарказм. С людьми, с которыми она встречалась впервые, тетушка старалась все же держаться в рамках холодной любезности, если они не переходили определенных границ. Доктор Снегур сейчас подошел к этой черте опасно близко.

– Домна Леокадия, поверьте, я очень внимательно изучил историю вашей болезни. – Главврач слегка постучал карандашом по толстой папке. – И так же внимательно сейчас наблюдал за вами. Когда вы вошли в этот кабинет десять минут назад, вы бросили долгий взгляд на стену слева, а потом приложили пальцы к виску. Что в тот момент произошло, позвольте узнать?

– Картина. – Леокадия Павловна снова посмотрела на стену и скривилась. – Это крайне безвкусный голландский натюрморт. В кабинете врача такое полотно неуместно, и, кроме того, оно абсолютно не сочетается по цвету с обоями. Эта вульгарная картина сразу вызвала у меня приступ мигрени.

«А по-моему, очень аппетитно, – проснулся вдруг в Со-
ниной голове вымышленный попугай. – Этот сыр в сочетании с апельсинами выглядит весьма заманчиво». Спорить с попугаем было сложно – Соня и сама вдруг поняла, что последний раз завтракала в поезде, еще до прибытия в Совату.

Главврач тоже уставился на натюрморт:

– Домна Леокадия, сказать мне об этом сразу вам не позволило воспитание, так?

– Доктор Снегур, за кого вы меня принимаете?

– За женщину безупречных манер и безукоризненного поведения. За человека, который придерживается четких предписаний и не терпит небрежения правилами, если они четко изложены и имеют под собой рациональную основу. Я прав?

– Как ни странно, да. Если возвращаться к теме лечения, все предыдущие доктора выписывали мне массу назначений, большинство из которых казались мне... неубедительными.

– Вот видите, ваш организм совершенно правильно априори отвергал ненужные манипуляции. Об этом я и говорю. У людей с такой... тонкой нервной организацией, как ваша, чувственное состояние напрямую влияет на физическое. Вас по-прежнему раздражает натюрморт?

– Чрезвычайно.

– Сейчас, когда вы сообщили об этом, стала ли ваша мигрень менее болезненной?

– Пожалуй, что... да. – Леокадия Павловна сделала несколько удивленное лицо и вновь приложила пальцы к виску.

– Что и требовалось доказать, – удовлетворенно кивнул доктор. – И чтобы проверить эту теорию, мне потребуется ваша помощь. Я вижу, вы женщина крайне собранная и ответственная, предпочитаете вести точные наблюдения. В этом мы с вами схожи. Полагаю, вам не составит труда заняться сбором статистики.

Врач Александру Снегур достал из ящика стола толстую тетрадь в синей бархатной обложке и придвинул к тетушке Леокадии.

– Что это?

– «Дневник наблюдений». В деле вашего излечения есть три столпа: тщательность, систематизация, анализ. Ваш организм, домна Леокадия, явно зависит от впечатлений. Посмотрим, какие именно из них провоцируют какие-то реакции. В этот дневник вы будете записывать каждый случай даже легкого недомогания. В левую колонку – телесные ощущения, в правую – обстоятельства, разговоры и мысли в момент, когда они возникли. Допустим, вы почувствовали тяжесть в груди. Запишите с точностью до минуты, где вы в этот момент находитесь, с кем говорите и о чем думаете. Это

крайне важно. Через неделю мы посмотрим, что с чем совпадает и как я смогу с этим работать.

– И это все? Просто записывать, что у меня болит и когда? Никаких процедур, ванн, припарок, пилюль?

– Разумеется, записями мы не ограничимся. – Доктор достал разлинованный лист бумаги и положил перед тетушкой. – Здесь ваш распорядок дня, включающий лечебные процедуры, прогулки и гимнастику. А также особый режим питания. Служащие ресторана уже предупреждены, и ваш сегодняшний ужин в «Горном солнце» будет подстроен под эти особенности.

– Что ж, звучит не так... прискорбно, как могло бы показаться вначале.

– Поверьте, домна Леокадия, ваш случай крайне непросто и уникален. Для меня будет честью взяться за него. Но я убежден, что совместными усилиями мы сможем достичь больших результатов.

– Посмотрим. По крайней мере, вы предложили что-то поинтереснее, чем горстями глотать успокоительное.

– Не стоит лишний раз травить организм химией. Чистая природа и разнообразное питание зачастую работают лучше, чем фармакология. Не смею вас дольше задерживать, домна Леокадия и домнишоара Софья. Ужин начнется через пять минут. А мы тут стараемся не нарушать распорядок.

– Всецело поддерживаю. – Тетушка поднялась и протянула руку, которую доктор осторожно пожал. – Увидимся че-

рез неделю.

* * *

Ресторан санатория носил название La Terasă и полностью ему соответствовал. Возможно, в холодное время года гостям было бы приятнее находиться в помещении, но сейчас, когда дневная жара сошла на нет и вокруг сгущались приятные теплые сумерки, нельзя было придумать лучшего места для ужина.

Большая деревянная терраса опоясывала здание ресторана с двух сторон. В вечернем свете на столах белели скатерти, сверкали начищенные приборы, теплыми оранжевыми огнями мигали фонари, в кустах слышался тихий стрекот сверчков, а из распахнутых дверей в основной зал доносились легкие звуки фортепиано.

По тетушкиной мимике Софья догадалась, что обстановка признана удовлетворительной. Распорядитель на входе поприветствовал их легким поклоном и проводил к столу:

– Мадам Томилова, мадемуазель Загорская, ваш столик номер девять. И он будет таковым до конца вашего пребывания в санатории «Горное солнце». Прошу вас, располагайтесь. Хорошего вам вечера.

Соня с тетушкой остановились возле стола, рассчитанного на шесть персон, господин, сидевший за ним, тотчас же поднялся, и Соня с удивлением узнала в нем уже встречен-

ного ранее господина Фишера. Он расцвел в улыбке и быстро заговорил по-немецки:

– Фройляйн Софья, я так рад снова вас видеть. А это, наверное, ваша родственница, о которой вы рассказывали? Добрый вечер, фрау...

– Томилова. Леокадия Павловна, – ледяным тоном произнесла тетушка и уставилась на племянницу с неммым вопросом.

– Ах да. – Соня изобразила легкое смущение. – Пока вы спали, тетушка, я спустилась вниз попить минеральной воды, и господин Фишер любезно показал мне, где находится источник. Там мы и познакомились.

Соня пристально посмотрела на фармацевта, надеясь, что говорит по-немецки с достаточно рублеными интонациями, чтобы он понял. И он, слава богу, понял.

– Истинно так, фрау Леокадия. Позвольте представиться. Йозеф Фишер, фармацевт из Вены. Ваша юная родственница рассказала, откуда вы. Рад, очень рад.

Господин Фишер ловко отодвинул стул, усадил тетушку, потом повторил те же манипуляции с Сониным стулом, после чего сел обратно на свое место:

– Я счастлив оказаться в столь приятной компании, милые дамы. Видите ли, я нахожусь здесь почти две недели и до сих пор разделял этот стол лишь с одной спутницей. Она вскоре подойдет, я вас представлю. Воды?

– Будьте любезны.

Леокадия Павловна сверлила фармацевта взглядом, словно решая, вступить ли в дальнейшую беседу или промолчать. Потом вдруг в ее глазах мелькнуло озарение, она достала из сумочки тетрадь в синей обложке и принялась быстро туда что-то записывать. Господин Фишер, разливая воду по бокалам, кинул быстрый взгляд сначала на тетрадь, потом на Софью. Она еле заметно пожала плечами и моргнула – не могу, мол, это обсуждать. Фармацевт понимающе улыбнулся, сел на свое место и тут же подскочил снова, приветствуя женщину, которая тоже подошла к столу.

– Добрый вечер! Дамы, позвольте представить вам фрау Марту Гру́бе, владелицу пансиона в Бремене.

Обмен приветствиями и любезностями занял какое-то время. Тетушка, отдав дань этикету, снова начала записывать что-то в тетрадь, а Соня принялась изучать новую соседку по столу.

Фрау Марте было около шестидесяти. У нее была крепкая, сбитая фигура, подвижное лицо и румяные щеки. Двигалась она резко и уверенно. Сама налила себе воды, кинула туда ломтик лимона и уставилась на Соню.

– У вас здоровый цвет лица, – изрекла она наконец.

Соня чуть не прыснула – настолько серьезным тоном это было произнесено, но в ответ вежливо кивнула.

– Цвет лица важен, – продолжила фрау Марта. – В своих исследованиях врач-диететик из Ганновера доктор Лихтман прямо указывает, что «лицо – не только зеркало души, но и

термометр тела». Герр Фишер пытается это оспаривать...

– Но, фрау Марта, – примирительно выставил руки перед собой фармацевт, – я всего лишь говорил, что это изящная гипотеза, не лишенная, впрочем, неточности трактовок...

– А я утверждаю, что лицо, как и тело, в полной мере отражает не только физиологические, но и душевные недомогания. Тело, господин Фишер, – это инструмент воли. Болезней по большому счету не существует – есть только плохая мышечная дисциплина.

Свои заявления фрау Марта чеканила как заправский оратор, подкрепляя их ударами ладони по столешнице – так, что тарелки начали слегка подпрыгивать. Тетушка на мгновение отвлеклась от записей, пристально посмотрела на соседку и начала строчить в тетради с удвоенной скоростью.

– Макар Ефимович, вот же наш столик! Номер девять. Добрый вечер всем!

– Ваша правда, любезная Феврония Савельевна! Как я сразу не заметил. И какая компания знакомая! Это же вы с нами в поезде ехали? Здравствуйте!

Семейство Королей – без детей и няньки – возникло возле стола шумно и внезапно. Видимо, купец и его супруга чувствовали себя несколько смущенно в таком изысканном месте и очень обрадовались, увидев знакомые лица попутчиц по поезду. Господин Фишер снова вскочил, поцеловал купчихе пухлую руку, ладонь купца потряс в своей и быстро заговорил по-немецки. На лице Макара Ефимовича отрази-

лось недоумение.

– Это... он... на каком сейчас болтает? Фрыцелик, что ли? Ничего не понял, – и удивленно уставился на Соню.

– Господин Йозеф Фишер австриец, – ответила она. – А фрау Марта Грубе немка, – и потом пояснила для обоих иностранцев: – Это господа Короли, купцы из Белоруссии, и, к сожалению, они не говорят на немецком.

– Доброго вечера, господа, – отозвалась тетушка, отрываясь ненадолго от записей. – Софья, я полагаю, для тебя это хорошая возможность попрактиковаться в языке и сделать так, чтобы все присутствующие за столом чувствовали себя удобно. Прошу меня извинить, мне крайне важно сделать заметки в дневнике, это входит в назначенный порядок моего лечения.

– Ой, как интересно, – заговорщицки зашептала Феврония Савельевна, усаживаясь на свое место. – Какая-то новая методика?

– Да, – ответила Соня. – Доктор Снегур предложил моей тете необычное лечение. Я полагаю, она позже сама расскажет, если сочтет это уместным.

– Ох, я не подумала. Наверное, неловко обсуждать за столом свои... недуги.

Соня немного волновалась – в немецком ей приходилось практиковаться нечасто, а сейчас, по сути, придется выступить переводчиком сразу для четверых человек. Скорей бы еду принесли, что ли. Иначе придется не закрывать рот весь

вечер.

Она перевела последнее замечание купчихи, и Марта Грубе немедленно на него отреагировала:

– Дорогая фрау, нет ничего более естественного, чем обсуждать здоровье и отклонения от него, находясь в санатории! А господин Фишер фармацевт, то есть условно может считаться почти врачом. Не нужно стесняться физиологии. Сегодня, к примеру, я начала новые упражнения для бедер...

Господин Фишер вдруг закашлялся, и Марта Грубе усердно похлопала его по спине. Он глотнул воды:

– Прошу меня извинить – и спасибо, фрау Марта, за помощь. Кстати, Макар Ефимович, вы ведь купец? Что продаете? Наверное, картофель?

– Ну почему, если я из Минска – так сразу картошка? – несколько обиженно отозвался Король. – Конечно, белорусская бульба превосходна и не идет ни в какое сравнение с немецкой или даже польской. Но я король льняной. Наше дело не шелка, а холст и полотно.

– Изделия из льна очень практичны и создают естественную прохладу вокруг тела даже в сильную жару, – заметила фрау Марта.

– Вот именно! – закивала Феврония Савельевна. – Посмотрите вокруг: большинство мужчин летом носят льняные костюмы.

– Не только мужчины! – горячо поддержал ее супруг. – Вот! Полульняной батист! – Он несколько невежливо указал

пальцем на сидящих за соседним столом дам. – Парусина! – перевел палец на тент, натянутый над террасой. – Дамаск! – пощупал пальцами скатерть. – Мешковина! – Палец замер в воздухе, поскольку Макар Ефимович, увы, не обнаружил в поле зрения ни одного мешка.

– И это все ваш лен? – изумился Йозеф Фишер.

– Ну, не весь лично мой, – немного смутился Король. – Но наш! Белорусский! Самый лучший. Я, кстати, привез несколько прекрасных образцов продукции, могу при случае показать.

– Ну надо же. Я, знаете ли, никогда не задумывался, как много вокруг льна.

– Лен – всему голова! – подытожил Макар Ефимович, когда у стола вдруг неслышно образовались официанты с блюдами. – О, наконец-то! Я голоден как волк после этой дороги.

Тетушка отложила тетрадь и карандаш и слегка повела кончиком носа, принюхиваясь. Вообще в этот вечер Леокадия Павловна казалась на удивление спокойной и молчаливой, и Соня дивилась этому преображению. Видимо, тетю очень увлекли «тщательность, систематизация и анализ», и она предавалась новому занятию с большой страстью.

Впрочем, аппетита это «эпистолярное лечение» ничуть не приглушило.

Перед Соней официант поставил салат из свежих овощей, заправленный йогуртом, и тарелку с цыпленком в сливочном соусе с фасолью и морковью. Тетушке досталось заливное

из телячьего языка, рыба с кукурузной кашей и ломтиком лимона, а также бокал белого вина. Смотрелось и пахло все очень аппетитно. Что ж, если в «Горном солнце» так выглядел особый режим питания, Соня готова была «терпеть» его хоть до конца лета.

И как только Софья об этом подумала, со стороны супругов Король донесся тоскливый вздох. Видимо, купцам доктор Снегур прописал «похудательную» диету. На тарелках у них были грустные листья салата, вареная свекла, капуста и подозрительно бледные котлеты, явно приготовленные без участия масла.

– Макар Ефимович, любезный, вы же сами говорили, что хотели бы чуть-чуть сбросить вес. – Супруга ласково погладила его по руке, потом подцепила вилкой капусту и прожевала с задумчивым выражением. – Вот, я уже чувствую себя гораздо легче. Попробуйте, дорогой мой.

Макар Ефимович молча взял вилку и начал ковырять содержимое тарелки без воодушевления на лице.

– Доктор Шваб из Гамбурга считает, что пищу надо пережевывать не менее двадцати раз. Таким образом мы разрабатываем лицевые мышцы и усваиваем из продуктов наиболее полезные вещества, – заявила фрау Марта и неделикатно захрустела сырой морковкой.

Судя по энергичным движениям челюстей, она собиралась следовать совету доктора Шваба с поистине немецкой педантичностью. А сырой сельдерей, морковь и редька на та-

релке должны были с таким же усердием помочь ей в этом.

И только по лицу Йозефа Фишера, аккуратно нарезавшего спаржу, было неясно – доволен ли он своим режимом питания или нет.

Ужин проходил в спокойном молчании, когда с соседнего стола вдруг раздался залиvistый женский смех, подхваченный мужским, басовитым.

– Ах, Павлишор! Вы все же умеете развлечь даму! А при-
творялись таким суровым. – Домна Каталина хохотала, вы-
зывающе запрокинув голову назад и встряхивая кудрями. –
Какой прелестный анекдот! Я чуть не опрокинула бокал.

– Я закажу еще напитков, – подскочил второй из братьев
Ковалинских, Андрей.

– Непременно! И икры! Сегодня я хочу черной икры!

Определенно, этот столик был самым оживленным на тер-
расе. Домна Каталина, одетая в белое, собрала вокруг себя
пятерых – обоих братьев, лохматого парижанина и еще двух
мужчин. Судя по обилию разнообразных закусок и шампан-
ского, никто из них не придерживался особой диеты. Напро-
тив – они собирались предаться чревоугодию со всем вооду-
шевлением.

Купец Король кинул печальный взгляд на соседний стол
и коротко вздохнул, тыкая вилкой в вареную свеклу. Фрау
Марта захрустела сельдереем с удвоенной энергией.

– А давайте... – Домна Каталина нарочно повысила голос,
чтобы слышали окружающие, – давайте сыграем в «Истину

или ложь». Чур, я начну! Однажды я танцевала в Мадриде с королем...

– И он после этого на вас не женился?

– Увы, как видите. Корона мне не досталась, лишь слезы короля.

– Я вполне могу представить себе монарха, рыдающего у ваших ног.

– Ах, Рене, вы так бессовестно мне льстите. Так что – было это? Или я все выдумала?

– Так бы ее и придушила. – Фрау Марта прошептала эти слова почти беззвучно, не переставая жевать овощи.

Соня расслышала, но сделала вид, что не обратила внимания. Тем более что Марта Грубе никак больше не отреагировала на веселую соседку и сосредоточилась на ужине.

Тетушка Леокадия покончила с едой, аккуратно сложила приборы на тарелке, промокнула рот салфеткой. Потом бросила короткий взгляд в сторону беспечного столика домны Каталины, поджала губы и придвинула к себе тетрадь в синей обложке.

Соня удивленно вскинула брови. Что – неужели не сделает ни одного уничижительного комментария? Не даст справедливую и язвительную оценку происходящему? Леокадия Павловна промолчала и начала строчить в тетради быстрым убористым почерком.

Следовало признать – метод доктора Снегура оказался поистине необычным. Если пока он не исцелил тетушку, но

точно вывел ее за рамки привычного поведения, отточенного десятилетиями.

Соня осторожно просунула руку под стол и тихонько постучала по столешнице снизу восемь раз.

Чтобы не сглазить.

Глава 4, в которой Соня начинает расследование

– В город? На станцию? С какой срочной надобностью, позволь узнать? – Тетушка замерла на миг с гребнем в руке, а потом с привычной невозмутимостью продолжила расчесывать волосы. Ежедневному туалету Леокадия Павловна всегда уделяла не меньше получаса.

– Я вспомнила кое-что очень важное насчет кражи, о чем надо рассказать сержанту Петреску. – Соня приврала совсем немного, так как действительно собиралась встретиться с жандармом. – Я в тот момент упустила, что, кажется, кое-кого видела. А теперь вспомнила.

– Вот в чем польза ежедневных записей, Софья. – Леокадия Павловна наставительно постучала гребнем, как указкой, по синей тетради на бюро. – Когда занносишь все на бумагу – ничего не забываешь, и все нужные факты всегда находятся под рукой. Этот доктор не так уж плох. А я ведь когда-то вела дневник, когда была в твоём возрасте...

Лицо у тетушки внезапно смягчилось, и по нему пробежала тень далеких воспоминаний. Приятных и грустных одновременно, так что даже Соня немного удивилась. Тетушка никогда не была замужем. Вообще невозможно было пред-

ставить, чтобы кто-то вызывал в ней сердечное волнение. А ведь в молодости она была хороша собой – Соня видела старые фотографии в семейном альбоме. Неужели у ворчливой родственницы была история любви, пусть даже и не приведшая к счастливому союзу? Сейчас, глядя на лицо Леокадии Павловны, Софья была готова поклясться, что та переживает какую-то давнюю историю из своего прошлого.

Впрочем, наваждение длилось недолго – всего мгновение, после чего тетушка приняла обычный чопорный вид.

– Вы правы, – кивнула Соня. – В таком случае тем более надо загладить мою оплошность перед жандармом как можно быстрее, чтобы ускорить расследование. Кроме того, я планировала заехать на почту – отправить и получить письма. К сожалению, с телефонной связью тут не очень хорошо, а родители, наверное, волнуются.

– Волноваться им не о чем, кроме некоторой твоей недисциплинированности. Надо будет непременно этим заняться, как только я освобожу для этого время. Сама видишь – у меня очень плотный распорядок дня. И это меня несказанно радует, потому что я уже наблюдаю некоторую перемену в состоянии.

– Нет, нет, ни в коем случае не пренебрегайте режимом, – замотала головой Соня. – Я очень рада, что лечение идет вам на пользу. Обо мне не волнуйтесь. Я сделаю все дела и к ужину вернусь.

– Смею надеяться, без новых потерь на этот раз.

Первым делом Соня встретилась с сержантом Петреску. Тот очень удачно нашелся на перроне, где стоял, заложив руки за спину, в ожидании прибытия поезда и дремал.

– Здравствуйте, господин сержант, – поздоровалась Соня. – А я вот заехала узнать, что нового слышно по делу о краже.

– Какому делу? – вышел из дремы сержант и удивленно уставился на барышню. Через несколько мгновений округлое лицо его прояснилось. – А, день добрый, домнишоара Софья. Расследование о краже движается очень, очень хорошо.

– О, так вы нашли вора?

– Вора? Нет, вора мы еще не нашли. Но поверьте, я прилагаю все усилия. Хожу, расспрашиваю, все служащие на станции предупрежден. Глаз да глаз, как говорится!

«Однако до этого глаза у него были закрыты», – вьедливо заметил вымышленный попугай. Соня от него отмахнулась. Тоже мне – сержант Очевидность.

– Скажите, господин Петреску, а часто на станции происходят кражи?

– Часто? – удивился тот. – Никогда. В городе, бывает, промышляют. Так мы их всех знаем, уже проверить. Но здесь впервые.

– Странно, да?

– Странно, – согласился сержант. – Вот и я думаю... Может, вы это – просто обронили сумочка? В толпе, сами знаете, такая суматоха бывает. Может, упала она под ноги да валялась куда-нибудь. Под лавка или в лужа.

– Но вы, наверное, проверили перрон, железнодорожные пути и площадь? Если бы она упала, то уже нашлась бы?

– Нашлась бы, – кивнул он. – Может, добрый человек ее нашел...

– А если он добрый, то, наверное, принес бы вам, да? – Соня простодушно уставилась на жандарма.

– Принес бы, – снова согласился тот и вдруг понял, что сам себя запутал своими же словами. По крайней мере, на лице Георге Петреску отразилось именно это. – Знаете что, домнишоара Софья, если вы не вспомнить никаких новых фактов о кража, будьте любезны, не мешать. Работа движется, как я и сказал.

– Я так и поняла. Хорошего дня.

– Всего доброго.

«Ничего он делать не собирается, – поняла Соня. – Махнет рукой и закроет дело».

Отойдя от жандарма, она купила у разносчика стакан кислейшего кваса (здесь его называли борш) и парочку ковриджей, которые очень напоминали крендели, только посыпанные кунжутом, и уселась на дальнюю скамейку, наблюдая за прибывающим поездом.

Стоило посмотреть на случившееся еще раз – но уже со стороны. Может быть, удастся заметить что-то необычное.

Состав прибыл по расписанию, пыхтя и выпуская клубы черного дыма. Двери вагонов открылись, и на перрон начали спускаться отдыхающие. Забегали служащие и носильщики, выгружая багаж, к пассажирам подтянулись лоточники, предлагая свой товар, кто-то обнимался, радуясь встрече. Повсюду слышались приветственные возгласы на разных языках, смех, цокот копыт. Творилась обычная вокзальная суматоха – немного шумная, но понятная. Ничего криминального, на Сонин взгляд, не происходило.

Да, возможно, некоторые носильщики из местных имели не особо приличный вид, но работу свою выполняли старательно и быстро. Вот какая-то дама неловко обронила ридикюль, и молодой мужчина тут же быстро его подхватил и вернул хозяйке, за что был удостоен мелкой монетки. Нет, воровать у клиентов в такой ситуации – это верх глупости.

Среди толпы вдруг мелькнуло знакомое лицо. Соня пригляделась – да, эти растрепанные вихры и небрежно повязанный платок могли принадлежать лишь Рене Ламонту. Француз, впрочем, ее не заметил, а направился напрямик к третьему вагону. Коротко кивнул проводнику, стоявшему у двери, и взял у него что-то – Соня не успела разглядеть, что именно, но вещь явно небольшую. Рене тут же сунул это за пазуху и быстрым шагом направился к ожидающим экипажам. Любопытно.

Впрочем, она тут же выбросила это из головы и вернулась к размышлениям о воре. Определенно, в такой толкотне незаметно украсть сумочку не составило бы труда. Все равно что на народных гуляньях где-нибудь в Сокольниках. Там тоже легко можно зазеваться и остаться без кошелька. А вора потом ищи-свищи – уже затерялся в толпе.

Здесь, конечно, толпа была не столь большой, и раствориться в ней было бы сложнее. Особенно если учесть, что жертва вора могла бы сразу обнаружить пропажу и поднять шум. И что тогда? Куда бежать? К экипажам, которые выстроились в ряд, не годится, сразу поймают. Слева от вокзала – угольный склад, там как раз сейчас сустились рабочие, нагружая уголь в тележку. Нет, эти тоже поймали бы. На правой, дальней стороне перрона плотно стояли какие-то постройки. Наверное, можно было побежать к ним, но сначала придется пересечь пустое пространство. Также заметят. Куда же мог деться вор?

И тут на глазах у Сони дежурный по станции ловко забрался на сцепку между вагонами и перепрыгнул на ту сторону. Вот оно! Наверняка преступник именно так и сделал – прыгнул или даже прополз под брюхом поезда. Перрон тут ровень с землей, и расстояние под днищем вагона небольшое, но кто-нибудь маленький и шуплый вполне мог бы.

Так. Надо будет непременно выбраться на ту сторону и посмотреть, что там. Жаль, не сейчас.

Соня взглянула на вокзальные часы. Если она хочет по-

пасть на почту и успеть вернуться в санаторий, то пора идти. А ковриджи, кстати, оказались очень хороши. Как и борщ. И кто придумал назвать квас боршом?

* * *

Здание почты – приземистое, с пыльными стеклами – Соня нашла быстро, на центральной площади Соваты. Если ее можно было назвать площадью. Так, небольшой участок, вымощенный булыжником, посреди которого тихо булькал маленький фонтан.

Софья отдала молодой служащей стопку писем – для родителей, Мити, подруг Полины и Надежды. Полина Нечаева все еще находилась в Америке, где дорабатывала конструкцию моноплана для обратного перелета, а новая знакомая Надежда Воронова (впрочем, уже Зубатова) вместе с мужем сейчас была в Каире.

Как же далеко всех разбросало друг от друга – письма остались единственной связующей нитью с близкими людьми. Конечно, приятно получать весточки, но как же долго идет корреспонденция, особенно в другую страну!

Бесспорно, есть телефонная связь, но в «Горном солнце» аппарат был только у главного врача и администратора, просить им воспользоваться было как-то неловко. А на почте, интересно, телефон есть? Должен быть! Соню вдруг осенило: можно ведь попробовать позвонить маме с папой или да-

же Мите. К счастью, служащая почты неплохо изъяснялась на русском и на Сонин вопрос сначала нахмурилась, а потом рассмеялась:

– Позвонить в Москву? Да вы, наверное, шутите? Мы даже в Тыргу-Муреш с трудом телефонируем, связь очень плохая. А вы хотите в Россию. Нет, совершенно невозможно. Но, если желаете, можно отправить телеграмму.

– Спасибо. Это не срочно. Думаю, писем будет достаточно.

Жаль. Соня уже предвкушала, как поговорит с Митей, а тут мечты разбились о суровое несовершенство техники. Что ж, осталось надеяться, что когда-нибудь телефонные провода протянутся по всему миру и будут в каждом доме, так что позвонить в другой город или даже за океан не составит труда. Или, например, изобретут небольшой телефонный аппарат, который можно будет носить в сумочке и разговаривать по нему хоть с улицы. Помечтать-то можно?

Софья бросила задумчивый взгляд в пыльное окно, за которым через дорогу располагалась аптека. Как все-таки удобно, что Румыния считает себя наследницей Древнего Рима, а значит, многое позаимствовала из латыни. Видишь надпись *Farmacie* – и сразу все понятно.

На крыльцо аптеки между тем вдруг вышел Йозеф Фишер. Хотя почему «вдруг»? Он же фармацевт. Мало ли, может, это аптека его знакомого. Или старик просто зашел посмотреть, как устроено похожее заведение в другой стране.

Господин Фишер стоял у витрины, никуда не спеша, когда к аптеке подъехал двухместный экипаж, из которого вышла домна Каталина.

Фармацевт поприветствовал ее, и между ними завязался оживленный разговор. Слов Соня, конечно, разобрать не могла. Но по лицу Каталины Морару было заметно, что она нервничает, а герр Фишер то ли оправдывается, то ли отнекивается. Наконец он достал из-за пазухи что-то похожее на маленький блокнот или чековую книжку, что-то быстро там написал, вырвал лист и отдал домне Каталине. Она выхватила бумагу и скрылась внутри аптеки, а Йозеф Фишер, показав головой, медленно направился в сторону фонтана.

Интересно. Соня почему-то считала, что они не знакомы между собой или просто не общаются. А сценка выглядела так, будто эти двое разговаривают не впервые. По крайней мере, ощущение сложилось именно такое.

У служащей почты Соня напоследок узнала еще кое-что – адреса двух ломбардов Соваты. Милая барышня даже набросала ей на листке схему, как найти оба. Оказалось, они находятся совсем недалеко. Все-таки Совата – это не Москва, где в некоторые отдаленные районы приходится добираться по полдня.

Соня посетила оба ломбарда за полчаса. Очень кстати тамгодились навыки рисования и снова знание латыни, поскольку хозяева ломбардов говорили только на родном языке. Рисунок медальона и надпись *argentum* сразу поняли оба

владельца. И оба, к сожалению, ответили отрицательно. А второй еще и произнес длинную фразу, из которой Соня уловила лишь слова Jandarmul Petrescu.

Что ж, все-таки стационарный жандармский сержант оказался не таким лентяем, как она могла подумать. И свою работу худо-бедно выполнил. Разве что никакого результата она пока не принесла.

Глава 5, в которой все смешивается с грязью

– Лечебные грязи суть сложные природные смеси органических и минеральных веществ, – читала Соня вслух брошюру о пользе грязелечения. – Сии студенистые образования содержат целебные субстанции, благотворно влияющие на организм.

Тетушка и фрау Марта, лежавшие слева и справа на кушетках, вяло кивали. Шевелиться им было сложно – обе были намазаны целебными грязями от шеи до поясницы и накрыты теплыми одеялами. Соня могла лишь представить, как немилосердно чешется кожа под такой «шубой». Ей всего-то достались грязевые «сапожки» на ступни – и то после долгих уговоров. И ноги от лечения зудели довольно безжалостно. Так что она нет-нет да и чесала украдкой одну ногу о другую.

А Леокадия Павловна и Марта Грубе лежали спокойно и даже улыбались: одна вследствие институтского воспитания, а вторая – врожденного немецкого стоицизма.

Соня прервала чтение, достала платок и отерла вспотевший лоб. В отделении лечебной бальнеологии было тепло и душно – как в остывающей бане. Впрочем, обстановка скорее походила на римские термы, потому что на полу и стенах было не дерево, а белый мрамор с серыми прожилками.

Тут и там на кушетках лежали дамы разной степени «загрязнения» и укутанности. Одна даже смело погрузилась в грязевой раствор по шею. Чуть поодаль принимали ванну с подогретой озерной водой другие гости санатория. Неслышно сновали вокруг медсестры со стаканами теплой пузырящейся воды.

В общем, скука была смертная, а вода – невкусная, что не помешало тетушке и фрау Марте выпить по три стакана. Софья пообещала себе, что больше ногой сюда не ступит, вздохнула и продолжила чтение.

– Целебное действие природных лечебных грязей было известно еще древним египтянам. По своему врачебному эффекту грязелечение не уступает лечению лекарствами, а в некоторых случаях даже превосходит его. – Она прервалась на середине абзаца. – Нет, ну это уже совсем спорное утверждение.

– Отчего же? – откликнулась Марта Грубе. – Доктор Август фон Шламм из Баден-Бадена сочинил чудесный трактат о грязелечении – он лично объездил больше двадцати курортов и знает, о чем говорит. Как же он писал... «Аптекарь облегчает страдания, а целебная грязь предотвращает оные». Вы согласны, фрау Леокадия?

– А? Да-да, конечно. – Тетушка приоткрыла глаза. – Я чувствую себя прекрасно.

– Но послушайте, – возразила Соня. – Ведь эта грязь – всего лишь продукт распада водных растений, то есть, в сущ-

ности, мертвая материя.

– Однако плодородная почва тоже состоит из перегноя, и на ней при этом прекрасно вызревают урожаи. «Телу человеческому полезно время от времени вспомнить, что оно взято из земли». Я вам дам почитать фон Шламма, у меня есть с собой брошюра.

Соня снова незаметно почесала ногу о ногу. И когда же кончится эта пытка? Взгляд, брошенный на настенные часы, подтвердил, что осталось не меньше полчаса.

Она собиралась продолжить было скучное, но противоречивое чтение, когда раздались чьи-то голоса и рядом с ними вдруг возникла домна Каталина. Она приветливо кивнула всем троим и присела на свободную кушетку поблизости.

– О, здравствуйте, – оживилась фрау Марта и затараторила по-немецки: – Мы обсуждаем методы воздействия грязи на организм. Природа исцеляет медленно, но основательно. Вы согласны? Иначе бы вас здесь наверняка не было?

Домна Каталина непонимающе вскинула тонкие брови, едва заметно улыбнулась и пожала плечами. А потом откинулась на подушки, и подошедшая медсестра стала наносить ей на лицо все ту же темно-серую грязь.

– Ага, я так и знала, – заключила Марта Грубе. – Ни слова не понимает по-немецки. Фрау Леокадия, вам не кажется, что времена нынче совсем испортились? Раньше в приличные места не пускали дам полусвета.

– Мир сильно изменился. – Тетушка снова приоткрыла

глаза, рассматривая новую соседку. Та лежала совершенно спокойно, не обращая внимания на происходящее. – Я ведь всю жизнь преподавала в Смольном. Знаете, у нас учились разные барышни, в том числе из обедневших семей. Но породе... породе и манеры видно всегда. Даже при крайне плачевном финансовом состоянии.

– Вот и я об этом. – Фрау Марта снова покосилась на домну Каталину. – Нынешние времена позволяют пробиться наверх людям с совершенно сомнительной репутацией. Я могу лишь вообразить, каким путем они заработали состояние. Явно не честным трудом.

– Общество стало гораздо снисходительнее к выскочкам. Полагаю, это тлетворное влияние Северо-Американских Штатов. Там очень любят таких... предприимчивых людей.

– О да, соглашусь с вами. И эта ужасная мода, видимо, оттуда же. Вы посмотрите только – подол не прикрывает даже щиколоток. А этот вырез... Совершенно вульгарно.

– Я до сих пор не могу смириться с тем, что модельеры отказались от корсетов. Все же он не только дает идеальную осанку, но и крайне дисциплинирует.

– Вы совершенно правы, фрау Леокадия. Небрежность современной моды мне тоже не по душе. Хотя, признаться, широкие штаны представляются мне весьма удобной новинкой. В них удобно совершать пешие прогулки и ездить на велосипеде.

– Фрау Марта, я не сомневаюсь, что, даже управляя таким варварским изобретением, как велосипед, вы оденетесь подобающе и скромно. А не так, чтобы окружающие разглядывали ваши ноги...

Соня, уткнувшись в буклет, кинула украдкой взгляд на соседнюю кушетку, где все так же спокойно лежала домна Каталина – с вульгарным вырезом и бесстыдными щиколотками. Чувствовала Софья себя очень неловко, хотя не принимала участия в беседе. Почему-то было совестно перед соседкой, которую сейчас обсуждали за глаза при ней же, а она не понимала ни слова. Но и вмешаться в беседу двух тетушек Соня тоже не могла. Не станешь ведь говорить двум пожилым женщинам, что они ведут себя как две рыночные сплетницы?

– Почитать вам еще про целебные грязи? – вместо этого спросила она вслух.

Но обе отмахнулись от предложения и с упоением продолжили обсуждать домну Каталину, ее манеры и наряды. И когда через несколько минут пришла медсестра с тазиком теплой воды, чтобы снять грязевые «сапожки», Соня вздохнула с облегчением. Наконец эта пытка закончится. В тот момент, когда она уже надевала мягкие тапочки на сухие ноги, Каталина Морару грациозно поднялась с кушетки, встала прямо напротив тетушки и фрау Марты и произнесла на безупречном немецком:

– Благодарю вас за увлекательную беседу о моде и мане-

рах. Вы очень скрасили мне эти двадцать минут. Всего доброго, фрау и фройляйн.

На лице ее еще была глина, оставлявшая лишь светлые круги вокруг глаз и рта. И эта темная маска в сочетании с беззубой улыбкой и спокойным тоном производила довольно жуткое впечатление.

Произнеся эту фразу, домна Каталина развернулась и невозмутимо прошествовала в соседнюю процедурную залу.

Тетушки на несколько секунд лишились дара речи. Первой нашлась Леокадия Павловна:

– Какое бесстыдство – не предупредить о том, что знаешь язык. А кроме того, так нарочито подчеркнуть свою осведомленность. Абсолютное отсутствие манер.

– Какой чистый мейсенско-саксонский диалект, – задумчиво отметила фрау Марта, провожая уходящую соседку пристальным взглядом.

А Соня снова уткнулась в буклет, который выучила уже наизусть, потому что почувствовала себя еще более неловко. Удивительно: глупость делают другие, а совестно почему-то ей. Интересно, есть ли какое-то название для этого явления? Если нет, она была готова придумать его прямо сейчас. «Румынский стыд», например.

* * *

– Подождите!

Соня остановилась и обернулась. Сразу после ухода домны Каталины она тоже поспешила покинуть душную процедурную, сославшись на жару и спертый воздух. Тетушка и фрау Марта остались и дальше лежать под грязевыми компрессами.

А Софья всеми силами желала выскочить на свежий воздух, когда в общем холле, разделяющем женское и мужское отделения, ее остановил чей-то голос.

– Извините, вы это мне? – Она обернулась и увидела одного из братьев Ковалинских: хмурый взгляд, напряженное лицо и пальцы, нервно сжимающие сложенную бумагу. Старший брат – тот, который без шрама.

– Прошу прощения, я не знаю вашего имени. Меня зовут Павел Ковалинский, и мне нужна ваша помощь.

– Софья Загорская.

– Софья, мне неловко просить вас, но иного выхода нет. Окажите любезность – передайте эту записку одной даме. Меня в женское отделение не пустят.

– Простите, а это не может подождать? – Меньше всего Соне хотелось возвращаться в эту баню. – Ваша дама, вероятно, скоро выйдет. Или сейчас подойдет кто-то из служащих.

Она оглянулась по сторонам. Как назло, все сиделки и медсестры, словно по волшебству, исчезли.

– Дело срочное. – Ковалинский буквально сунул бумагу ей в руку. – Пожалуйста. Каталина Морару, брюнетка с...

– Я знаю, кто она, – не очень вежливо перебила Соня. – Хорошо, я отнесу ей.

– Вы меня очень обяжете. Я буду ждать здесь.

Откровенно говоря, Софья не только не хотела возвращаться, но и встречаться с домной Каталиной еще раз после того, что произошло в процедурной. Но Павел Ковалинский очень нервничал и почти насильно вложил письмо ей в руку.

Домна Каталина была в соседней зале: отдыхала в кресле в то время, как ей массировали ступни. Соня подошла и протянула записку:

– Вам послание, просили срочно передать.

Та не спешила забрать письмо – медленно отпила воду из стакана и аккуратно поставила его на столик:

– Вы его прочли?

Соня вспыхнула так, что загорелись щеки и даже шея.

– Вы так забавно краснеете, – как ни в чем не бывало продолжила домна Каталина. – Я еще там заметила, – и кивнула в сторону соседней залы. – От кого послание?

– От господина Павла Ковалинского. – Соня взяла себя в руки и постаралась не выдать голосом кипевшего в ней возмущения.

– Ах, Павлишор... – Домна Каталина протянула холеную руку, развернула записку, прочла и медленно свернула обратно.

– Передать ему что-нибудь? – Соня была сама любезность. Какая невыносимая женщина. Может, фрау Марта и те-

тушка были не так уж неправы, когда злословили по ее поводу?

– Что сказали ваши... дуэньи, когда я ушла? – Каталина Морару иронически улыбалась, вертя в руках клочок бумаги.

– Что... у вас очень чистый мейсенско-саксонский диалект, – нашлась Соня.

– Прибавим это к прочим грехам. – По красивому лицу домны Морару пробежала легкая гримаса недовольства. – В придачу ко всем остальным.

– Послушайте, мне крайне неловко, что...

– А вам-то почему? Вы в этих пересудах не принимали участия. Никогда не извиняйтесь за других. Если бы я переживала о каждой глупости, которую говорят про меня, то давно получила бы инфаркт. Тут все сплетничают друг о друге, потому что курортная жизнь слишком скучна и размеренна.

– Честно говоря, мне это не по душе. С любой стороны.

– А вам не обязательно занимать чью-то сторону. Держитесь своей. Поверьте мне, это лучший способ сохранить свою независимость. А нас, женщин, особенно любят тянуть в разные стороны как ценный трофей. – Она покрутила в руках записку. – Будьте добры, передайте автору послания, что я буду, как условились. Спасибо.

И домна Каталина откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза. Софья развернулась, передала ответ слово в слово

нервному Ковалинскому, который ожидал в холле, и вышла на улицу.

После вялой и полусонной атмосферы в лечебной свежий воздух на улице был живительным и бодрящим. Соня повернула на одну из тропинок, уходящих в лес, и просто шла вперед, наслаждаясь прогулкой. Что бы там ни писали про целебную силу грязи, но ноги после нее и вправду казались легче.

За очередным поворотом показался угол какой-то постройки – на этом участке курорта Соня еще не гуляла. Видимо, здесь находилась непарадная часть санатория. Соня поняла это по внешнему виду здания – оно было длинным, одноэтажным, с серыми оштукатуренными стенами и черепичной крышей. Над трубой постройки поднимался дым, внутри что-то приглушенно грохотало и свистело, а из-под приоткрытой створки широкой двери тек мыльный ручеек. Возле входа была брошена тележка, доверху заваленная грязным бельем.

Присмотревшись, Соня разглядела на белье эмблемы «Горного солнца», а также заметила рядом угольный сарайчик. Выходит, это котельная и прачечная. Вот откуда каждый день в номере появляются чистые простыни и полотенца.

Внутри постройки кипела работа – разговоры и смех доносились даже сквозь шум моющих механизмов. Дверь вдруг распахнулась, и на улицу вышла худая девушка с большой корзиной влажного белья. Она с трудом держала ее в

руках, а босой ногой осторожно ощупывала землю, потому что белье в корзине полностью заслоняло взгляд. Вот ступня попала прямо в мыльный ручеек, поехала вперед...

Соня, не раздумывая, бросилась на помощь и успела подхватить корзину с другой стороны. Сбоку из-за мокрых полотенец вдруг показалось взмокшее худенькое лицо с неожиданно яркими синими глазами. Девушка что-то сказала на румынском. Соня непонимающе пожала плечами.

Вдвоем они пронесли корзину несколько метров – на сухой участок, где были натянуты веревки для просушки. Девушка выпрямилась и вытерла мокрый лоб с прилипшими темными волосами. Платье на ней тоже было промокшим, а на шее висела внушительная связка деревянных прищепок.

– Mulțumesc¹⁰, – выдохнула девушка и устало улыбнулась.

Это слово Соне уже было знакомо и означало «спасибо». Так что она улыбнулась в ответ и сказала *vă rog*, что означало «пожалуйста». А потом показала на корзину, на веревки и спросила:

– Помочь?

Глаза у девушки удивленно распахнулись, а потом она так энергично замахала руками и замотала головой, что Соня поняла – больше никакой помощи от нее не примут.

Девушка деловито достала из корзины полотенце, встряхнула, ловко накинула на веревку и заколола прищепкой, потом потянулась за следующим. Постиранные вещи пахли

¹⁰ Спасибо. (Рум.)

восхитительно – свежестью, жасмином и крахмалом. После тяжелых илистых запахов в грязелечебнице это был разительный контраст.

Соня бы задержалась тут подольше, но стоять и смотреть на то, как работают другие люди, не очень красиво. А помочь она больше ничем не могла. Поэтому помахала рукой на прощание и пошла дальше.

Глава 6, в которой появляются новые декорации

– Митруц!

– Ну что, Митруц?

– Куда это ты собрался? Снова на станцию?

– А куда еще?

– Нет уж. – Ленута уперла руки в бока – такие же худые, как у брата, но Митруц знал: если она что-то решила и приняла «позу кувшина», то спорить с ней бесполезно. – Пойдешь сегодня со мной в санаторий, нечего тебе на станции делать.

– А там я что буду делать? Я, между прочим, на вокзале не мятую мну, а зарабатываю.

– Я знаю. Ты молодец. Но это тяжелая работа, понимаешь? А в санатории сегодня сцену будут собирать – театр приезжает. Им помощники пригодятся. Принеси-подай. Вот я и подумала...

– Театр, значит...

Митруц задумался. Если по правде, идти на станцию после кражи ему было боязно. Кто-то из местных наверняка его выходку заметил, хоть ничего и не сказал. А дед Радул в последние дни не показывался, так что серебряный медальон

Митруц пока прятал в укромном месте за сараем вместе с бархатной сумочкой и всем прочим. Найденную мелочь он отдал Ленуте, как и конфеты, сказав, что сладким угостили пассажиры. Сестра, кажется, ничего не заподозрила.

А вот с деньгами надо было что-то решать, и как можно быстрее. Потому что на завтрак и ужин дома почти неделю была только мамалыга – даже без кислого молока, не говоря уже про соль и масло. Ленуту в санатории, конечно, кормили – да еще как, получше, чем пустой кукурузной кашей на воде. Но выносить оттуда еду было запрещено под угрозой расчета. И Митруц каждый раз ловил виноватый взгляд сестры, когда она пододвигала ему тарелку с осточертевшей мамалыгой. Нет, так дальше нельзя. И куда, спрашивается, подевался этот цыган Радул?

Так что предложение Ленуты Митруцу даже пришлось по душе. В санаторий ходить он любил – какое-никакое приключение в жизни. А тут еще театр, про который он только слышал, но никогда не видел... Но все же Митруц попытался сохранить остатки достоинства и не соглашаться сразу же. Все-таки ему как-никак десять лет уже – слишком солидный возраст, чтобы во всем слушаться старшую сестру.

Но тут сестра добила Митруца последним доводом – ловко и метко, как прихлопывала на кухне вездесущих тараканов:

– Бригаду строителей обещали покормить обедом и ужином.

– Так чего ж ты сразу не сказала! – вырвалось у Митруца, после чего он спохватился и лениво добавил: – Ну ладно, так и быть... Схожу, погляжу...

Бригадира плотников звали Васи́ле – был он жилистый и бородатый. Ленута сдала ему Митруца с рук на руки и даже попыталась было напоследок пригладить брату волосы. Он возмущенно увернулся. Вот еще. Он как настоящий работник пришел, а не мальчик какой-нибудь.

У плотников было весело. Мужики смеялись и перебрасывались шуточками.

– Мама мэа, вот тебе и понтон! Крепче держи, смотри, артистов привезут, чтоб не провалились. Делай на совесть!

– А правда настоящие артисты приедут?

– Ну да. Этого будут показывать... Гамлета.

– Это где про мужика с черепом?

– Про мужика с мозгами! Если б у тебя такие были – знал бы.

– А ты самый умный тут, что ли? Доску держи! Да не бей ты так! Мы сцену строим, а не гроб!

– У меня гвозди кончаются. Эй, мальчик, как тебя там? Митруц? Не стой, гвозди тащи, вон в ящике лежат.

Митруц метнулся к ящику, схватил в две горсти гвозди и побежал по шаткому деревянному настилу.

– Молодец, шустрый малец. Держи вот тут. Да не бойся, по пальцу не ударю.

– А я и не боюсь. Я тоже молотком бить умею.

– Да ладно. И кто ж тебя научил? Батька твой?

– Я сам. А батька на войне умер, давно уже.

– Так ты за старшего в семье, выходит?

– Вроде того.

Митруц был в восторге. Тут с ним говорили как со взрослым, не помыкали и не гнали прочь. И он вдруг почувствовал себя совсем большим и важным. С утра уже припекало, и плотники, скинув рубахи, работали в одних штанах. Митруц подумывал, не сделать ли то же самое, хотя от жары почти не страдал.

А вот гости санатория уже прятались под зонтиками, рассевшись в шезлонгах на деревянной террасе. Митруц исподтишка на них косился. Ага. Вот те толстые купцы, вот веселая дама с кавалерами, а вот и рыжая, у которой Митруц стащил сумочку. Он тут же отвел глаза, как будто рыжая могла его заметить и узнать. Нет, не могла. Она его тогда толком и не видела.

– Митруц! Воды принеси!

– Бегу!

* * *

Соня лежала в шезлонге под большим зонтом и размышляла о том, чем реальные впечатления от отдыха отличались от ожидаемых.

Следовало признать: поездка в Румынию стала не такой

катастрофой, каковой представлялась в Москве. Если, конечно, не считать кражи медальона.

Природа тут оказалась очень красивая, воздух – чистым, а обстановка – спокойной. И Соня поняла, что московская суматоха с ежедневной учебой и практикой в газете немного ее утомила. Нет, Загорская-младшая уже предвкушала, как в начале осени снова с удовольствием окунется в эти шум и спешку, но сейчас была рада короткой передышке и смене обстановки.

Виновником этого затишья во многом стала тетушка Леокадия, которая продолжала вести записи в «Дневнике наблюдений», и это занятие было важнее всего прочего – даже раздачи наставлений для племянницы. Софью это обстоятельство невероятно радовало. Она-то представляла, как придется отбиваться от тетушки несколько недель без передышки, используя запас выученных на занятиях риторических приемов. А вышло так, что эти умения почти не понадобились, поскольку всю энергию тетушка направляла на свои записи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.